

Key words: A. N. Ostrovsky, L. P. Kositskaya, "Storm", "dark realm" of the soul, an altered state of consciousness, the double, the mutual substitution of characters.

Николаева Е.В.,
доктор филологических наук, профессор,
Московский педагогический
государственный университет

«Кавказские пленники» русской литературы

Аннотация: в статье рассматривается пушкинская традиция в повести Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» на фоне творческих поисков писателя в эпоху создания «Азбуки». Устанавливается связь между письмом А.С. Пушкина к Н.И. Гнедичу о поэме «Кавказский пленник» и повестью Толстого, знакомого с этим посланием.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин, Н.Н. Страхов, «Кавказский пленник», «Азбука», письмо Пушкина Гнедичу, сюжет, образы.

Во втором номере журнала «Заря» за 1872 год было напечатано новое произведение Л.Н. Толстого – «Кавказский пленник». Этой публикации предшествовала просьба Н.Н. Стрхова в письме к писателю. В то время Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов еще не были знакомы лично, между ними не велась переписка. Началом этой переписки послужило обращение Стрхова с просьбой дать какое-либо произведение для журнала «Заря», где он в то время был редактором, чтобы поддержать подписку на следующий год. Толстой поначалу отказывает, ссылаясь на свое состояние: «Я нахожусь в мучительном состоянии сомнений, дерзких замыслов невозможного или непосильного и недоверия к себе и вместе с тем упорной внутренней работы. Может быть, это состояние предшествует периоду счастливого самоуверенного труда, подобного тому, который я недавно пережил, а может быть, я никогда больше не напишу ничего. Так вот почему я решительно не могу ничего обещать, как ни сильно я бы желал напечатать в “Заре”» (Письмо от 25 ноября 1870 г.) [1, т. 61, с. 242]. В марте 1872 года в письме к Н.Н. Стрхову он сообщает, что написал новое сочинение: это и был «Кавказский пленник», напечатанный в журнале.

В начале 1870-х годов Л.Н. Толстой много сил и времени отдает работе над «Азбукой», будучи уверен в том, что ею он «памятник себе

воздвиг». «Кавказский пленник», написанный для помещения в «Азбуке», как известно, входит в состав четвертой Русской книги для чтения.

Напечатанное в «Заре» произведение не осталось незамеченным читателями. Среди отзывов – полученное Л.Н. Толстым в октябре того же 1872 года письмо от А.А. Толстой, с которой писатель постоянно делился своими творческими планами и мнением которой весьма дорожил. В ее письме, датированном 3 октября 1872 года, содержится отзыв о прочитанном ею новом рассказе Л.Н. Толстого: «Я не помню, писала ли я вам, что читала «Кавказский пленник» и что только тогда поняла значение слова Азбука, или по крайней мере, мне показалось, что поняла. Не правда ли, вы приняли этот особый стиль, чтобы он был доступен пониманию всех, и я думаю, вы будете его развивать. Некоторые находят эти короткие фразы несколько деланными. Я не разделяю их мнения, и многие наши здесь, обладающие тонким литературным вкусом, находятся, как и я, под обаянием этой истории, которая интересна всем от 7 лет до сорока. И на всем какой-то аромат поэзии, который должен действовать на чувства, присущие одинаково и неразвитым натурам, и очень образованным. Я еще не принималась за другую часть, и если у вас есть экземпляр, будьте так любезны, пришлите мне его, пусть это будет даже корректурный листок. Я с нетерпением жду продолжения этой работы» [2, с. 297].

Тема «Азбуки» не первый раз возникла в переписке Толстого с его постоянной корреспонденткой и дальней родственницей. После окончания «Войны и мира» он начал непосредственно заниматься будущей «Азбукой». Планы, наброски, относящиеся к этой работе, содержатся в записной книжке 1868 года. В этот период Толстой получил письмо от Александры Андреевны с сообщением о том, что она с удовольствием перечитывает «Войну и мир». На это писатель ответил письмом, в котором признавался, что «Война и мир» ему теперь «противна вся», а занимает его работа над «Азбукой», которую он просит свою корреспондентку не смотреть, так как она не учила маленьких детей.

В приведенном здесь письме Александра Андреевна не просто сообщает о факте знакомства с новым рассказом, а отмечает весьма значимые особенности этого произведения: тему, интересную «всем от 7 лет до сорока», «аромат поэзии», действующий в равной степени на всех читателей, особенности языка, замеченные не только ею.

Работе над рассказами для детского чтения предшествовал глубокий творческий кризис Толстого, выразившийся в неудовлетворенности «Войной и миром», главным образом, языком

этого произведения. Большое влияние в период кризиса на писателя оказывала так называемая им «народная литература». В этом понятии он объединял произведения устного народного творчества и древнерусской литературы. Напряженная работа по переделке и улучшению «Азбуки» сопровождается для Толстого глубокими раздумьями о характере и смысле писательского труда, о подлинной народности и языке литературного произведения.

Эти мысли писатель подробнее всего выразил в письмах к Страхову, ставшему в период работы над «Азбукой» одним из его самых верных помощников. По просьбе Толстого он взял на себя редактирование славянских отделов и наблюдение над печатанием всего труда.

На протяжении марта 1872 года Толстой написал два важнейших письма Страхову. Вероятно, писатель делился своими мыслями именно со Страховым не случайно. Впервые в семье Толстых узнали о Страхове после появления его критических статей о «Войне и мире», которые были приняты Толстыми сочувственно. Последующее знакомство и завязавшаяся переписка, дружеское расположение, интеллектуальное общение делали Страхова тем человеком, с которым Толстой мог делиться подобными размышлениями и мог надеяться на верное понимание.

3 марта 1872 года Толстой начинает делиться мыслями, неотступно сопровождающими его во время работы над «Азбукой» и выражающими суть того творческого кризиса, который сопутствовал этой работе. «Если будет какое-нибудь достоинство в статьях азбуки, то оно будет заключаться в простоте и ясности рисунка и штриха, т.е. языка...» [1, т. 61, с. 274]. Далее в этом письме Толстой рисует параболу, на которой схематически изображает положение разных писателей по отношению к «народности»: «Заметили ли вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: – упадок поэтического творчества всякого рода – музыки, жизни, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода – музыки, живописи <и украшения,> и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности. Последняя волна поэтическая – параболы была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, Бог даст, а Пушкинский период умер совсем, сошел на нет. –

Вы поймете, вероятно, что я хочу сказать. –

Счастливы те, кто будут участвовать в выплывании. Я надеюсь» [1, т. 61, с. 275].

В двадцатых числах марта он вновь пишет пространное письмо Страхову, в котором на этот раз мысли выражены весьма эмоционально: «Правда, что ни одному французу, немцу, англичанину не придет в голову, если он не сумашедший (написание Толстого – Е.Н.), остановиться на моем месте и задуматься о том – не ложные ли приемы, не ложный ли язык тот, которым мы пишем и я писал; а русский, если он не безумный, должен задуматься и спросить себя: продолжать ли писать, поскорее свои драгоценные мысли стенографировать, или вспомнить, что и *Бедная Лиза* читалась с увлечением кем-то и хвалилась, и поискать других приемов и языка. И не потому, что так рассудил, а потому что противен этот наш теперешний язык и приемы, а к другому языку и приемам (он же и случился народный) *влекут мечты невольные*. ...

Бедная Лиза выжимала слезы, и ее хвалили, а ведь никто никогда уже не прочтет, а песни, сказки, былины – все простое будут читать, пока будет русский язык.

Я изменил приемы своего писания и язык, но, повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно. А потому, что даже Пушкин мне смешон, не говоря уж о наших элукубрациях, а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, – мне мил. Язык этот, кроме того – и это главное – есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное – язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели – все похоже на литературу» [1, т. 61, с. 278].

Содержание «Кавказского пленника», отмеченное А.А. Толстой как интересное всем, связано с именем А.С. Пушкина, упоминаемым и во втором письме Толстого. Известно, что тема Кавказа, военных действий на Кавказе, жизни горцев – одна из самых популярных в литературе первой половины XIX века, и порождена она была не только романтическим пафосом литературных произведений, но и реальной исторической жизнью. Столь же актуальной для того времени была и тема кавказского плена.

Во второй половине 1820 года А.С. Пушкин под впечатлением пребывания с семейством Раевских на Кавказских минеральных водах написал поэму «Кавказский пленник», которой сам дал жанровое определение «повесть». Ее содержание несложно и памятно всем. Схематически содержание этой «повести» выглядит так: в плену у черкесов оказывается молодой русский пленник. К мучительному для

него пленению присоединяется тоска и тяжелые воспоминания: «Людей и свет изведаль он / И знал неверной жизни цену». В пленника влюбляется молодая черкешенка, но он не отвечает на ее чувство. Черкешенка укоряет его, но помогает бежать. А когда пленник, переправившись через речку, оглядывается, то никого не видит. Он все понимает.

Свое критическое отношение к этой юношеской поэме Пушкин выражал неоднократно в письмах, в статье 1830-го года «Опровержение на критики». В этой статье он, в частности, писал: «"Кавказский пленник" – первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элементам и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним насмеялись» [3].

Более ироничный отзыв о своей поэме Пушкин высказал еще в 1823 году в письме к П.А. Вяземскому из Кишинева: «Еще слово об "Кавказском пленнике". Ты говоришь, душа моя, что он сукин сын за то, что не горюет о черкешенке, но что говорить ему – *всё понял он* выражает всё; мысль об ней должна была овладеть его душою и соединиться со всеми его мыслями – это разумеется – иначе быть нельзя; не надобно всё высказывать – это есть тайна занимательности. Другим досадно, что *пленник* не кинулся в реку вытаскивать мою черкешенку – да, сунься-ка, я плавал в кавказских реках, – тут утонешь сам, а ни черта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку – он прав, что не утопился» [4].

Как известно, название пушкинской поэмы, равно как основу сюжета и целые строки из нее воспроизвел в своей ранней юношеской поэме М.Ю. Лермонтов. Рассказы и воспоминания о плене у кавказцев неоднократно появлялись в печати. Барон Ф.Ф. Торнау, полковник кирасирского полка, в середине 1830-х годов был в Абхазии с целью негласного обследования горских аулов, где попал в плен. В «Библиотеке для чтения» был напечатан рассказ «Кавказский пленник», подписанный инициалами «Н.М.» [5].

В начале 1850-х годов Л.Н. Толстой служил на Кавказе и однажды, 13 июня 1853 года, сам чуть не попал в плен к чеченцам, которые напали на нескольких русских офицеров, оставших от «оказии», среди которых был и он. Спустя два десятилетия Толстой написал рассказ с таким же названием для «Азбуки».

В толстовском рассказе также прослеживаются некоторые пушкинские следы. Следует заметить, что в начале своей творческой работы Толстой недооценивал прозу Пушкина, не видя в ней развитого

психологизма, к которому стремился сам. В дневнике 1853 года он записал: «Я читал «Капитанскую дочку» и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара – не слогом, – но манерой изложения. Теперь справедливо – в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий. Повести Пушкина голы как-то» [1, т. 46, с. 187–188]. В первой половине 1850-х годов Толстой особенно много читает, оставляя в дневнике свидетельства знакомства с выдающимися произведениями мировой литературы, в том числе с произведениями А.С. Пушкина.

В Яснополянской библиотеке писателя сохранилось несколько собраний сочинений А.С. Пушкина, причем в основном они не были востребованы. Активно читалось в семье только одно собрание сочинений, в том числе и Л.Н. Толстым, оставившим в нем большое количество помет. Это издание, подготовленное П.В. Анненковым [6]. Сохранились не все тома этого издания: только 1, 2, 4, 5 и 6-ой. Наибольшее количество помет осталось в первом томе, представляющем собой первую научно подготовленную биографию поэта, составленную П.В. Анненковым на основе всех доступных ему в то время материалов.

Среди сохранившихся в первом томе помет Толстого одна прямо относится к поэме «Кавказский пленник». Анненков помещает оставшееся в черновике письмо Пушкина к Н.И. Гнедичу, в котором речь идет о «Кавказском пленнике»: «Недостатки этой повести, поэмы или чего вам угодно – так ясны, что я долго не мог решиться ее напечатать. Простота плана близко подходит к бедности изобретения, описание нравов Черкесских или отчет путешественника. Характер главного лица (а всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме, да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в каких-то несчастиях, неизвестных читателю? Его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости Горцев и к прелестям Кавказской девы могут быть очень естественны, но что тут трогательного? Легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собой истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего Русского, мог быть любовником его избавительницы; мать, отец и братья ее могли бы иметь каждый свою роль, свой характер – всем этим я пренебрег: во-первых, от лени; во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имел я духа... Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня на счет Кавказского Пленника, но, признаюсь, люблю его, сам не зная за что: в нем есть стихи моего сердца...» [7, с. 97]. Весь этот текст (21 строку)

Толстой отчеркивает в книге вертикальной чертой, что является одной из его характерных помет.

Рассказ («быль») Толстого «Кавказский пленник», как представляется, написан не без учета *всех замечаний*, которые Пушкин перечислил в письме Гнедичу. В этом предположении укрепляет то обстоятельство, что уже в пятидесятые годы Толстой начинает сознательно изучать слог Пушкина, вчитываясь и вдумываясь в его произведения, о чем свидетельствуют, кроме сохранившихся отзывов, пометы в издании Анненкова, однако это является предметом отдельного рассмотрения.

Итак, Пушкин отмечает следующие особенности своей поэмы: простота плана, характер главного героя, отсутствие сведений о его предшествующей жизни, бездействие героя и равнодушие к жестокости горцев; сам же указывает на то, что могло бы легко «оживить» содержание (отношение пленившего черкеса к избавительнице, самостоятельная роль в действии каждого героя).

Работа «ужасная» над языком рассказов для детей привела к тому, что история офицера Жилина, действительно, написана очень просто и лаконично, что неуловимо приближает ее к пушкинской прозе. При этом в рассказе отсутствуют пространные описания мыслей, чувств героев. Как в прозе Пушкина, действие героя, какие-то детали повествования дают возможность читателю сделать заключение о побудительных мотивах их поступков, их внутреннем мире. Рассказ «Кавказский пленник» помещен Толстым почти в конце последней книги для чтения, то есть рассчитан на восприятие уже достаточно подготовленного маленького читателя.

Толстой значительно усложняет план своего повествования. Подробно описан эпизод пленения Жилина, что восходит, вероятно, к личному опыту автора и знанию обстоятельств службы на Кавказе. По сравнению с пушкинской поэмой, в рассказе Толстого появляются не только два пленника, Жилин и Костылин, но и множество других героев: аул, в котором происходят события, населен довольно большим количеством людей, каждый из которых играет какую-то роль в действии. Наконец, Жилин совершает два побега, первый из которых оканчивается неудачей и еще более жестокими условиями жизни в плену.

Подробно для такого лаконичного повествования Толстой разрабатывает образ главного героя. Он дает предысторию пленения Жилина, через которую во многом объясняются и его предшествующая и настоящая жизнь, и условия формирования характера: «Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала, и

хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похороны, а там и с Богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле: может, и не придется увидеть. Поехать; а если невеста хороша – и жениться можно» [1, т. 21, с. 304–305].

Герой Толстого, кроме мастеровитости, смекалки, смелости, обладает достаточно твердым характером, что видно не только из его поступков, но и из того, как он выстраивает с самого начала отношения с пленившими его горцами: «Эх, – думает Жилин, – с ними, что робеть, то хуже». Вскочил на ноги и говорит:

– А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!» [1, т. 21, с. 311].

Есть у Толстого и эпизод, также прямо перекликающийся с поэмой Пушкина – первая ночь в плену: Жилин «почти всю эту ночь не спал».

У Пушкина отмечено, что нет сведений о том, что было в прошлой жизни пленника, почему он потерял «чувствительность сердца». Этим замечанием Толстой тоже не пренебрег: он объясняет, почему Жилин отправляет на родину письмо, которое заведомо не может дойти по назначению, почему начинает целенаправленно думать о том, как бежать из плена: «Костылин еще раз писал домой, все ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдет, а другого не писал.

«Где, – думает, – матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться в конец. Бог даст – я сам выберусь» [1, т. 21, с. 312–313].

Подробное представление о жизни и быте горцев дают описания Толстого, не сосредоточенные в каком-то одном эпизоде рассказа-«были»: наблюдения Жилина за повседневными делами жителей аула, описание внутреннего вида дома, похороны убитого джигита, поминки и целый ряд других описаний и деталей. Таким образом, лаконичные толстовские описания складываются в довольно подробную этнографическую картину жизни горцев.

Учел Толстой и пожелание Пушкина самому себе о более подробном описании сюжетной роли других персонажей. В рассказе Толстого, помимо большого количества эпизодических лиц, действуют

достаточно подробно описанные и охарактеризованные второстепенные персонажи: красный татарин Кази-Мугамед, пленивший Жилина, и черноватый татарин Абдул-Мурат, отец Дины, перекупивший у первого пленника в счет долга. Большую роль в рассказе и судьбе пленников играет и старый татарин, живущий не в ауле: «Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушел старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и 8 сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку – Богу молиться» [1, т. 21, с. 315].

Как положено в романтических историях, есть в рассказе Толстого и главная героиня, помогающая пленнику бежать – это татарская девочка Дина. «Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный» [1, т. 21, с. 309].

С одной стороны, Толстой соблюдает все заданные параметры романтического повествования, с другой стороны, он пишет рассказ для детей, в котором неуместна была бы какая-то любовная история. Дину отличает не только живость характера, любознательность, но и бесстрашие, сообразительность. Она расположена к Жилину и как ребенок, которому интересно наблюдать за чужеземцем, получать от него игрушки, и как чистый человек, чье сознание в силу возраста и доброты не затуманено враждой и предрассудками.

В конце рассказа, после того, как татары спорят и хотят убить русских, опасаясь нападения на аул, Дина последний раз приходит к яме, где сидят пленники: «Вдруг слышит – зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят,

как звездочки; вынула из рукава две сырны лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

– Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! – Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко» [1, т. 21, с. 322–323].

В Дине пробуждается совершенно естественное чувство жалости к пленнику, что совершенно оправданно психологически. Смелые действия героини не только помогают Жилину при побеге, но и закономерно завершают ее сюжетную линию в рассказе.

Таким образом, даже при беглом анализе рассказа заметно, что в нем присутствуют практически все особенности, выделенные А.С. Пушкиным в своей поэме. Это позволяет с большой долей уверенности предположить, что отмеченный в биографии А.С. Пушкина отрывок письма к Н.И. Гнедичу послужил для Л.Н. Толстого хорошим примером мастерства, побудил учесть все сделанные поэтом самому себе замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90тт. (Юбилейное издание). М.; Л.:ГИХЛ, Гослитиздат, 1928–1958.

2. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857 – 1903). М.: Наука, 2011.

3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 тт. Изд. 2-е. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. VII. С. 170.

4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 тт. Изд. 2-е. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. X. С. 56.

5. Библиотека для чтения. 1838. Т. XXXI. С. 17–52.

6. Пушкин А.С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и пр. СПб.: П.В. Анненков, 1855.

7. Анненков П.В. Материалы к биографии Александра Сергеевича Пушкина»// Пушкин А.С. Сочинения. С приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и пр. СПб.: П.В. Анненков, 1855.

Nikolaeva Evgeniya V.,
DSc in Philology, Professor,
Moscow State University of Education

«The Caucasian captives» of Russian literature

Abstract: The article discusses Pushkin's tradition in the novel «The Caucasian captive» by L. N. Tolstoy in the context of creative searches of the writer in the period of the creation of the "Alphabet". The connection is traced between the letter of A. S. Pushkin to N.I. Gnedich about the poem «The Caucasian captive» and the story of Tolstoy acquainted with this letter.

Key words: L. N. Tolstoy, A. S. Pushkin, N. N. Strakhov, "Caucasian captive", "Alphabet", Pushkin's letter to Gnedich, plot, images.

Тихомиров С.В.,
кандидат филологических наук, доцент,
Московский педагогический
государственный университет

**«Морозная ночь походила на сказку...»: о культурных истоках
образности и концепции стихотворения Б. Пастернака
«Рождественская звезда»**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос, в какой мере стихотворение Пастернака «Рождественская звезда», в котором запечатлен евангельский сюжет поклонения волхвов, соотносится с церковным толкованием этого сюжета и с его многочисленными толкованиями в европейском искусстве (П. Брейгель, Р.М. Рильке, Т.С. Элиот), а также вопрос о связи образного строя стихотворения с миром русской классической литературы (М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.П. Чехов).

Ключевые слова: Евангелие, Лермонтов, миф, Пастернак, Рильке, «Рождественская звезда», Тютчев, церковная традиция, Элиот.

Стихотворение Пастернака «Рождественская звезда» («РЗ»), написанное в 1947 году, – одно из самых замечательных стихотворений в русской лирике XX века. По своему сюжету оно представляет собой поэтическое переложение двух евангельских сюжетов – поклонение новорожденному младенцу Иисусу волхвов из Евангелия от Матфея и поклонение ему же пастухов из Евангелия от Луки, контаминированные в один сюжет. Сколько-нибудь близких обработок этого сюжета в классической русской лирике до Пастернака не обнаруживается (если не